

ТВОРЧЕСТВО ТЭФФИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА¹

М.М. ПОЛЕХИНА

Illusio2008@yandex.ru

д-р филол. наук,

профессор кафедры лингвистики

и переводоведения

МГИМО МИД России

Одинцово, Россия

Ключевые слова:

Тэффи, литература

Русского зарубежья,

ирония, трагикомическое,

самоценность личности

DOI: 10.37632/PI.2020.280.3.005

Статья посвящена творчеству Тэффи как одному из самых загадочных и феноменальных явлений XX века. Особенности художественного стиля Тэффи проявляются в синтетизме – органичном соединении в пространстве художественных текстов трагикомического, лирического и экзистенциального. Отмечается осуществление в творчестве писательницы культурного кода предшествующего столетия, рассматриваются творческие взаимоотношения с современниками, указывается близость Тэффи чеховской традиции. Определяется характер гуманистических тенденций в прозе Тэффи, идея самоценности личности, актуализация новых эстетических форм для выражения нового художественного сознания. Тэффи касается аспектов жизни современного общества, которые обнаруживают огромную пропасть между европейцем и русским человеком. Тэффи не критикует и не осуждает своих героев, оставаясь ироничным наблюдателем, не дающим никаких претенциозных оценок.

Под именем Тэффи Надежда Александровна Лохвицкая стремительно вошла в русскую литературу в начале XX в. и обрела необычайную популярность. Ее произведения – проза, поэзия, драматургия – издавались миллионными тиражами, цитировались, переводились на многие языки мира. Тэффи считали самой востребованной писательницей своего времени, ее называли «королевой русского юмора», в ее честь фабрика «Блигкен и Робинсон» выпускала карамель «Тэффи», будуарные столики дам украшали одноименные духи, а любители домашних животных ее именем называли своих питомцев. Среди поклонников творчества Тэффи были выдающиеся политики и общественные деятели – Григорий Распутин, Александр Керенский, Владимир Ленин, император Николай II. Так, из русских писателей в юбилейном сборнике в честь 300-летия царствования дома Романовых государь хотел видеть только ее произведения. Она дружила с Иваном Буниным и Алексеем Толстым, с А. Аверченко, А. Куприным, А. Ремизовым, З. Гиппиус и Д. Мережковским, Н. Минским и Н. Евреиновым, ее портрет писал И. Репин, песни на ее стихи исполнял знаменитый шансонье А. Вертинский. Что же до простых читателей Тэффи, их число измерялось миллионами. Она была хороша собой, блистательно остроумна, обаятельна, обладала волшебным даром очаровывать собеседников, была потрясающей рассказчицей, великолепно играла на гитаре и пела. В ней была какая-то тайна, загадка, постичь которую было невозможно. Георгий Иванов предрекал Тэффи всемирную славу, писал, что это «неповторимое явление русской литературы, подлинное чудо, которому через сто лет будут удивляться» [7: 8]. Сдержанный Бунин восклицал: «Помните, как дороги вы не одним нам, а великому множеству людей, вы совершенно

¹ В сокращенном варианте материалы под названием «Тэффи» вошли в Биографический словарь «Русские писатели. 1800–1917». М.; СПб.: Большая российская энциклопедия, Нестор-История, 2019 С. 346–350.

необыкновенная!» И еще: «Всегда, всегда дивился вам, никогда за всю жизнь не встречал подобной вам! И какое это истинное счастье, что Бог дал мне знать вас!» [22: 513].

О Тэффи сегодня написано много, в дискурсе научных исследований прежде всего творчество писательницы доэмиграционного периода, ее сатира, публицистика, драматургия, произведения о детях, вопросы, связанные со становлением новых художественных форм в ее творчестве. Большой вклад в изучение наследия Тэффи внесли Е.В. Бочкарева, Д.Е. Костенко, О.Н. Михайлов, Д.Д. Николаев, Э. Нитраур, А.Г. Соколов, Л.А. Спиридонова-Евстигнеева, Е.М. Трубилова и др. Ученые, пишущие о Тэффи, отмечают поразительную многогранность ее таланта, органичное сочетание в пространстве ее художественных текстов трагикомического, лирического и экзистенциального, говорят о необходимости нового инструментария для характеристики жанрово-стилевых особенностей ее произведений. Сама Тэффи по поводу разностилевых пластов в своих произведениях иронически замечала: «Я родилась в Петербурге весной, а, как известно, наша петербургская весна весьма переменчива: то сияет солнце, то идет дождь. Поэтому и у меня, как на фронте древнего греческого театра, два лица: смеющееся и плачущее» [7: 8].

Многое в жизни писательницы остается для нас загадкой и мистификацией. До недавнего времени в самой дате рождения Тэффи обнаруживались разночтения: по одним источникам, она родилась 24 апреля 1872 г., а по другим – 9 мая 1872 г. И чем старше становилась Тэффи, тем с меньшей охотой она указывала свой настоящий год рождения. Сначала в ее автобиографиях появляется 1872 г., затем 1876 г. и даже 1885. Тэффи словно ставила целью защитить своих биографов, когда писала: «Да и какая, в конце концов, разница – ведь возраст, как однажды сказала Ф. Сологубу, «есть понятие метафизическое» [18]. Однако сегодня из документов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, метрической книги Сергиевского всей артиллерии собора, фонда Петроградской духовной консистории следует, что Надежда, дочь действительного статского советника Александра Владимировича Лохвицкого и его жены Варвары Александровны, родилась 26 апреля (8 мая) и была крещена 11(24) мая 1872 г.). Тэффи всегда утверждала, что их мать была француженкой, и, заполняя в эмиграции бумаги для получения документов, писала ее фамилию на французский манер – de Nouer. Вероятно, миф о французском происхождении матери родился после Первой мировой войны, когда о своих

немецких корней многие в России предпочитали не упоминать. На самом деле отцом Варвары Александровны фон Гойер, дедом Тэффи, был обрусевший немец, уроженец Дрездена Александр Николаевич (Адольф Готтфрид) фон Гойер (1807–1865), вписанный в родословную книгу дворян Могилевской губернии.

Варвара Александровна прекрасно знала русскую и европейскую литературу и детям сумела привить хороший вкус к изящной словесности, театру и музыке. Отец Тэффи принадлежал к старинному купеческому роду Лохвицких, был известным адвокатом, профессором криминалистики, автором ряда научных трудов: «Обзор современных конституций» (1862–1863), «Курс русского уголовного права» (1868) и др. В течение нескольких лет он работал в качестве издателя и редактора «Судебного вестника», где публиковал и собственные статьи на литературные темы: «Уголовные романы. Преступление и наказание. Соч. Ф. Достоевского», «L’Affaire Lerouge. Le Crime d’Orcival», «Émile Gaboriau Affaire Clémenceau, par Dumas fils». Книги были естественной принадлежностью дома Лохвицких, наиболее почитаемые – произведения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, К.Д. Бальмонта, Ф.М. Достоевского.

В большой обеспеченной семье Лохвицких каждый достиг выдающихся успехов. Брат Тэффи Николай Лохвицкий, генерал от инфантерии, в Первую мировую войну командовал Русским экспедиционным корпусом во Франции, после революции был активным участником Белого движения, командующим Второй Колчаковской армией. Мария или Мирра Лохвицкая – одна из самых знаменитых поэтесс

Серебряного века. Сестра Варвара сочиняла пьесы и театральные миниатюры для театра Н.Н. Евреинова «Кривое зеркало», публиковалась в петербургской газете «Новое время». Любимая младшая сестра Елена (в замужестве Пландовская) писала театральные миниатюры, занималась литературными переводами. Елена — действующее лицо многих автобиографических рассказов Тэффи о детстве («Счастливая», «О нежности», «Лиза», «Брат Сула», «В Америку» и др.), она упоминается в рассказах сборника «Ведьма»: «Домовой», «Лешачиха», «Русалка», «Который ходит», «Ведун».

Яркие впечатления детских лет нашли отражение в сборнике Тэффи «Земная радуга». Какое-то время семья проживала в Москве на Никитском, а потом на Новинском бульварах, а после смерти отца переехала в Петербург в Манежный переулок. После окончания Литейной женской гимназии Ведомства императрицы Марии Тэффи получила аттестат зрелости и свидетельство домашней учительницы. В эти годы она часто гостила в родовом поместье брата своего отца Иосифа Лохвицкого — в Тихвине и предположительно именно в Тихвине Тэффи познакомилась, а в январе 1892 г. обвинилась в Спасо-Преображенском соборе с Владиславом Бучинским, дворянином Могилевской губернии, который по окончании петербургского Императорского училища правоведения был направлен в Тихвин судебным следователем. Атмосферой Тихвина пропитан ряд поздних рассказов Тэффи, в героях которых угадываются знакомые и близкие автору фигуры: «Оборотень», «Волчья ночь», «Анюта», «Книга Июнь», «Дядя Полкаша» и др. Супружество не было счастливым, и в 1900 г. Тэффи возвращается в Петербург, дети — сын Янек (Иван) и две дочери Валерия и Елена остаются с отцом и прислугой. Подобное решение молодой женщины — еще одна загадка Тэффи и повод для оценок и размышлений. Отголоски семейной драмы запечатлены в ее рассказах «Оборотень», «Чудеса!», «Старый дом» и др. Тэффи будет занимать вопрос о том, как образованные и чуткие натуры становятся орудием манипуляции деспотичных и самоуверенных мужей, которые делают совместную жизнь невозможной. Много позже Тэффи напишет своей взрослой дочери Валерии: «Ты хорошая дочь. Благодарю тебя за все. Ведь у тебя нет по отношению ко мне никаких обязательств, <потому> <то> была мать плохая. По существу хорошая, но обстоятельства выгнали меня из дома, где, оставаясь, я бы погибла» [28: 256]. За несколько лет до этого судьбоносного решения Надежда Александровна была представлена литературному сообществу Петербурга сестрой — Миррой

Лохвицкой, имя которой было уже популярным в читательских кругах. Свидетели об этом пишут так: «Это было в 1894 — может быть, в 1895 году. Раз в неделю бывало собрание у поэтессы Ольги Николаевны Чуминой. Жила она в Воспитательном Доме, где муж ее был смотрителем... В тот вечер ждали Мирру Лохвицкую, лауреатку Пушкинской премии, талантливейшую поэтессу, теперь забытую. Она вошла — яркая, гордая, красивая. За нею, в ее тени, робко и застенчиво вошла тоненькая, как тростинка, молоденькая девушка, головка которой клонилась под бурной волной пушистых волос цвета спелой пшеницы. «Я позволила себе привезти к вам сестру, — обратилась вошедшая к хозяйке. — Надя, подойди же». На вопрос С.А. Венгерова: «Пишет ли сестра?», Мирра небрежно ответила: «Пишет, кажется» [20: 2].

О первых неудачных попытках напечатать свои стихи Тэффи признается в рассказе «Чучело» (1931). Ее первые поэтические опыты, подписанные девичьей фамилией «Н. Лохвицкая», «Мне снился сон, безумный и прекрасный...» не были замечены критикой, однако многое определили в творческой судьбе Тэффи: к стихам она будет обращаться на протяжении всей своей жизни. Уже в следующем году в «Почтальоне» выходят ее стихотворения «Четыре инженера» и «Признание», а в «Беседе» — «Шансонетка», подписаны они были «Н. Бучинская». Псевдоним Тэффи появился под стихотворным фельетоном «Покаянный день: Драматичная сцена в одном акте», это был отклик на провальную премьеру пьесы «Фома Гордеев» А.М. Горького («в обработке» В.Ф. Евдокимова) в театре Е.А. Шабельской. По мнению исследователей творчества Тэффи Е.М. Трубиловой и Д.Д. Николаева, псевдоним для Надежды Александровны, любившей шутки и мистификации, являлся частью литературной игры, направленной на создание соответствующего образа. Откуда же возникло это имя? Оказалось, что и к выбору псевдонима писательница подошла с юмором. «Я написала одноактную пьеску, а как надо поступить, чтобы эта пьеска попала на сцену, я совершенно не знала. Все кругом говорили, что это абсолютно невозможно, что нужно иметь связи в театральном мире и нужно иметь крупное литературное имя, иначе пьеску не только не поставят, но никогда и не прочтут. Вот тут я и призадумалась. Прятаться за мужской псевдоним не хотелось. Малодушно и трусливо. Лучше выбрать что-нибудь непонятное, ни то ни се. Но что? Нужно такое имя, которое принесло бы счастье. Лучше всего имя какого-нибудь дурака — дураки всегда счастливы. За дураками, конечно, дело не стало. Я их знавала в большом количестве. Но уж если

выбирать, то что-нибудь отменное. И тут вспомнился мне один дурак, действительно отменный, и вдобавок такой, которому везло. Звали его Степан, а домашние называли его Стеффи. Отбросив из деликатности первую букву (чтобы дурак не зазнавался), я решила подписать пьеску свою «Тэффи» и послала ее прямо в дирекцию Суворинского театра» [50: 2; 17: 254]. Имя нового автора драматургических пьес транскрибировали: «Taffy», вероятно, отождествляя его с именем маленькой героини сказок Киплинга.

К своей славе, как и к имени, Тэффи относилась легко, с иронией. Она вспоминала, как ей принесли коробку только что выпущенных конфет с ее именем. «Я тут же бросилась к телефону — хвататься своим друзьям, приглашая их попробовать конфеты «Тэффи». Я звонила и звонила по телефону, созывая гостей, в порыве гордости уписывая конфеты. И опомнилась, только когда опустошила почти всю трехфунтовую коробку. И тут меня замутило. Я обвела своей славой до тошноты и сразу узнала обратную сторону ее медали» [19: 20]. Ирина Одоевцева с удовольствием отмечала, что Тэффи, а это так редко встречается среди юмористов, была и в жизни полна юмора и веселья. Казалось, что и в событиях, даже самых трагических, как и в людях, даже самых мрачных, она видела прежде всего их комическую сторону, скрытую от других. И тут же, не обращая внимания на грубокопательное настроение окружающих, весело сообщала о своих наблюдениях и радовалась, если ей удавалось вызвать ими смех» [19: 101–102].

В начале 1900-х гг. и в годы первой русской революции Тэффи много работает и публикуется, ее творчество отличалось жанровым и стилевым разнообразием: это и юмористические рассказы, и фельетоны, «перепевы», «сказочки», басни, короткие сатирические миниатюры. Она — одна из самых востребованных авторов, ее печатают в газетах и журналах «Сигнал», «Зарницы», «Красный смех», «Серый волк», «Понедельник», «Новая жизнь», «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Нива», «Вперед». Это было время активной работы Тэффи с изданием «Новой жизни», здесь, в редакции газеты состоялось знакомство Тэффи с Лениным. Газета просуществовала недолго, «Новая жизнь» вскоре обратилась в орган РСДРП, легальную большевистскую газету, просуществовавшую около двух месяцев (ноябрь — декабрь 1905 г.), оставив у Тэффи гнетущие воспоминания. Позднее она напишет о «твердокаменных марксистах» и их вожде: «Они никогда не говорили о судьбах России, никогда не волновало их то, что мучило старых революционеров, за что люди шли на смерть. <...> жизнь их мало интересовала.

Они были по уши погружены в съезды, кооптации и резолюции» [50: 245]. И еще: Ленин «кажется, и на себя смотрел <...> не как на человека, а как на слугу своей идеи. Эти одержимые маньяки очень страшны» [47: 86–87].

Вскоре после первой русской революции происходит судьбоносная встреча Тэффи с театром: на сцене театра «Факел» осуществился ее первый драматургический опыт — «фантастическая комедия-шутка» «Женский вопрос». Затем был театр «Кривое зеркало», театр миниатюр «Мозаика», Литейный театр. С успехом здесь шли «Любовь в веках», «Мужской съезд», «Алмазная пыль», «Брошечка», «Выслужился», «Контора Заренко», «Наказанный зверь», «Счастливая любовь», «Тонкая психология», «Четвертое "не" (Женский диалог)», «Небольшой талант», «Царица Таир» [22: 323–328]. В 1913 г. вышла книга драматических произведений Тэффи «Восемь миниатюр», а в 1915-м — «Миниатюры и монологи. Том II». Много позже, уже в 1934 г. в Париже будет опубликован сборник дореволюционных миниатюр Тэффи («Выслужился», «Тонкая психология», «Наказанный зверь», «Брошечка», «Царица Таир», «Женский вопрос», «Сатир Кукин», «Кокания», «Счастливая любовь», «Сватовство», «Алмазная пыль», «Небольшой талант», «Покаянное», «Благотворительное заседание», «Сказка про кобыльи голову»), и пьесы этого сборника составят значительную часть репертуара открывшегося в 1936 г. в Париже Русского театра.

Но это было много позже, а в 1908 г. Тэффи становится постоянным автором «Сатирикона», а затем сменившего его «Нового Сатирикона»; она печатается в серии «Дешевая юмористическая библиотека «Сатирикона», в коллективных сборниках сатириконцев, выходивших в качестве ежегодных приложений к журналам: «Всеобщая история, обработанная «Сатириконом» (1910), «Театральная энциклопедия «Сатирикона» (1913), «Теплая компания (Те, с кем мы воюем)» (1915), «Осиновый кол на могилу зеленого змия» (1915), «Анатомия и физиология человека» (1916). Журнал «Сатирикон» стал объединением талантливых писателей и художников России, таких как Аркадий Аверченко, Саша Черный, С. Городецкий, М. Добужинский, А. Бенуа, Л. Бакст, с большим удовольствием здесь печатались А. Куприн, Л. Андреев, А. Толстой, А. Грин. Это было время напряженного творческого труда, время грандиозных планов и больших надежд. Веселые, остроумные, искрометные рассказы Тэффи обеспечили журналам всероссийскую славу.

Вместе с тем Тэффи продолжает заниматься и журналистской работой: в 1910-е гг. она

К 100-летию «русского исхода»

печатаются в газетах «Новости», «Свободные мысли», «Утро. Понедельник», «Речь», «Голос земли», в журналах «Солнце России», «Аргус», «Огонек», «Златоцвет», «Отечество», «Журнал журналов» и пр. Успешным было сотрудничество Тэффи с московской газетой «Русское слово», где она представляла актуальные репортажи из Петербурга. Возглавлявший издание Влас Дорошевич высоко ценил талант писательницы, умеющей заинтересовать читателя и сенсационностью материала, и собственной позицией в оценке событий, и остроумной, изящной формой изложения. Конечно, он не мог не замечать некоторое неудовольствие Тэффи каждодневно работать на социальный заказ и как мог поддерживал ее: «Пусть пишет о чем хочет и как хочет! Нельзя на арабском скакуне воду возить» [29: 108]. Благодаря Тэффи за сравнительно короткий срок газета превратилась в одно из самых популярных российских изданий с тиражом около миллиона экземпляров. Непринужденная шутливость, тонкий изысканный юмор, высокая общая культура делали Тэффи самой популярной и узнаваемой в общественных и литературных кругах. И сама она была неутомима: «Смейся!» – говорили мне читатели. «Смейся! Это принесет нам деньги», – говорили мои издатели... и я смеялась» [7: 8].

Свою первую книгу «Семь огней», включавшую пьесу «Полдень Дзохары – легенда Вавилона» и 39 стихотворений, воспевающих мир таинственного, сверхчувственного и непознаваемого, Тэффи выпустила в 1910 г. Книга была навеяна символистскими идеями Ф. Сологуба, с которым молодого автора связывала большая дружба. Леонид Галич дал книге блестящую характеристику, отметив, что «Тэффи – глубоко русская, и ритм души ее глубоко русский», «ритм жизни, поразивший слух Тэффи», критик определяет как «колеблющийся двойной ритм монастыря и шабаша, боли отречения и муки саморастраты» [9].

Большой успех у читателя имели «Юмористические рассказы» Тэффи. Они принесли ей славу одного из самых читаемых писателей России. Зощенко писал о книге с восхищением: «...во всех ее рассказах какой-то удивительный и истинный юмор ее слов, какая-то тайна смеющихся слов, которыми в совершенстве владеет Тэффи» [13: 140]. Все ее рассказы «Выслужился», «Проворство рук», «Курорт», «Дача», «К теории флирта», «Покаянное», «Свой человек», «Модный адвокат», «Семейный аккорд», «Веселая вечеринка», «Переоценка ценностей» дополняют друг друга, и книга оставляет впечатление органической целостности. «Правильный и изящный язык, выпуклый и отчетливый рисунок, умение несколькими

словами характеризовать и внутренний мир человека, и внешнюю ситуацию выгодно выделяют юмористические рассказы Тэффи из ряда книг, перегружающих наш книжный рынок» [15], – писал о произведениях Тэффи современный критик Вл. Кранихфельд. Тэффи обращается к смешному в жизни, представляя через систему ярких художественных персонажей все несоответствие между высоким предназначением человека и бессмысленностью его существования. И. Бунин заметил, что рассказы Тэффи, правдиво отражающие жизнь, написаны «здорово, просто, с большим остроумием, наблюдательностью и чудесной насмешливостью» [5: 44]. Тэффи пишет о жизни во всех ее проявлениях: в трагедии и фарсе, в грустном и смешном. Тэффи утверждает, что «жизнь сама выдумывает такую дику и смешную ерунду, какая человеку никогда и в голову не придет» [31: 152]. Глубоко сочувствуя и сопереживая своим персонажам, она никогда не дает им оценки, обнаруживая сходство с чеховской традицией. «С какой тонкою художественной тактичностью и женственной мягкостью она не решается признать своих персонажей, очутившихся в смешном положении, виновниками данного грустного или комического инцидента: нет, она всегда словно хочет найти для них «смягчающие обстоятельства» в окружающем, в условиях, в антиномии трагичности и комичности самой жизни, смеющейся и плачущей почти одновременно... Нет – мы не гадкие, не злые, не глупые, – а только жалкие, несчастные, запуганные, слабые, смешные... как бы повторяет она на каждой странице рассказов, весьма близких по элегическому тону и глубокой человечности сюжетов к лучшим образцам «чеховского» юмора» [54: 255].

В 1916 г. выходит лучшая книга дореволюционных рассказов Тэффи «Неживой зверь», первый сборник ее «серьезной» прозы, пронизанный трагическим ощущением неблагоприятия жизни. Во вступительной статье к сборнику Тэффи поясняет: «...цель этого предисловия – предупредить читателя: в этой книге много невеселого», «здесь слезы – жемчуг моей души» [32: 4]. Особое место в сборнике занимают психологические рассказы о детях: «Олень», «Неживой зверь», «Троицын день», «Исповедь», «Ревность», «Приготовишка», «Весна», «Летом», «Счастливая», «Счастье» и др. Тэффи создает серию характеров со своими переживаниями, наивной верой и фантазиями, простодушием и жестокостью, легко говорит на языке ребенка и виртуозно вступает с ним в диалог. Естественное восприятие писательницей мира детей станет очевидным из пересказанного Тэффи разговора с Федором Сологубом:

«как-то они взялись устанавливать метафизический возраст общих знакомых. Когда же добрались до самих себя, «шестисотлетний» Сологуб определил Тэффи как тринадцатилетнюю» [41: 2]. Тэффи всегда оставалась ребенком, открытым и обаятельным, она искренне любила своих героев и жалела их. «Надо мною поспеиваются, – писала она, – что я в каждом человеке непременно должна найти какую-то скрытую нежность... Но тем не менее в каждой душе, даже самой озлобленной и темной, где-то глубоко на самом дне чувствуется мне притушенная, приглашенная искорка. И хочется подышать на нее, раздуть в уголек и показать людям – не все здесь тлен и пепел» [35: 2]. Умение Тэффи искренне поражаться, восхищаться, умиляться там, где остальные видят лишь обыденные вещи, не может не удивлять. В ней словно жил ребенок, способный смотреть на мир незамутненным взглядом.

Маленькая героиня рассказа Тэффи «Неживой зверь» стала свидетельницей семейной драмы, лживых и неестественных отношений между родителями. Она испытывает отчуждение и глубокое одиночество в своей семье и единственное утешение находит в игрушечном барашке, милом, нежном, с мягкой шерсткой и доброй мордочкой. Ласковый, но неживой зверек противопоставляется лживым «лисьим бабам», равнодушным к детям, матери «с птичьим личиком», которая занималась только собой и своими романами, няньке с «ощеренными зубами», учительнице, подобной старому цепному псу («даже около глаз были у нее какие-то желтые подпалины, а голову поворачивала она быстро и прищелкивала при этом зубами, словно муху ловила») [32: 10]. Противостояние недоброго звериного мира взрослых и игрушечного, иллюзорного мира ребенка отражают ту непреодолимую пропасть, которая разделяет один мир от другого. Трагедия маленького человека заключается в его беззащитности и уязвимости, как и обреченность игрушечного барашка, растерзанного крысами. «...он больше не кричал. Его больше уже не было. Бесшумно таскала жирная крыса серые клочья, мягкие куски, трепала мочалку. Катя забилась в постель, закрылась с головой, молчала и не плакала. Боялась, что нянька проснется, ощерится по-кошачьи и насмеется с лисьими бабами над шерстяной смертью неживого зверя. Затихла вся, сжалась в комочек. Тихо будет жить, тихо, чтоб никто ничего не узнал» [32: 19]. Дети часто оказываются одинокими и незащищенными в рассказах Тэффи. Они пытаются создать свой собственный игрушечный мир и жить по законам этого мира, хотя часто ситуация разрешается не в пользу

такой игры: в результате остаются боль, горечь и разочарование.

Драматична судьба животных в произведениях Тэффи. В рассказе «Старик со старухой» сюжет выстраивается как соположение и развитие двух миров. Старые лев и львица, представляющие гармоничный естественный мир природы, оказываются в неестественных обстоятельствах гнетущей среды: они ежедневно истязаются грубым и жестоким дрессировщиком цирка. Старые, выработанные в цирковой дрессуре лев и львица – старик со старухой – живут воспоминаниями о прежней вольной жизни, в памяти каждого – любовь и трогательная привязанность друг к другу. У этой любви как будто и нет какой-то особенной истории. Они родились с этой привязанностью, с ней они и уйдут из этого мира: «Оба прожили долгую жизнь, прожили покорные своим могучим законам: подымались на рассвете, тихо лежали в сонную зиму, любили друг друга весной, и каждый вечер, встав рядом, провожали глазами заходящее солнце, и в узко разрезанных зрачках их вспыхивали зарницы невиденных снов» [51: 226–227]. Испытания, которые настаивают пару, связаны с другим, чужим миром, который неблагоприятен и лишен каких бы то ни было условий для гармоничного существования. Мир людей, жаждущих зрелищ и острых ощущений, показан через восприятие животных во всей своей неприглядности, фальшивости и пустоте: «Тревожно пахло духами фальшивой французенки, тревожно ныл тихими стонами оркестр, и теплый человеческим теплом воздух был душен и тосклив» [51: 227]. Этот мир угрожает животным физическим уничтожением, чувства же старого льва и львицы остаются вне трагедийных коллизий. Автор лишает главного персонажа своего произведения имени, показывая перевернутый мир, мир наоборот. Он называет своего героя «зверем»: «Его жирные вздрагивающие ноги туго обтянуты белым трико. Блестят лакированные голенища сапог, открыта короткая толстая шея, и блестят масляные красные веки. Глаза его, тускло-напряженные, смотрят прямо и знают, чего хотят» [51: 227]. Короткий рассказ пронизан горечью и состраданием к тем, кто так близок к человеку и так далек от него.

События Февральской революции принимают Тэффи с надеждой: «Чем хуже и страшнее, и противнее все то, что мы видим, тем более мы должны радоваться, что свершилась наконец революция, что теперь открыт путь к свободной борьбе со злом. В фельетоне «Дезертиры», опубликованном в московской газете «Русское слово» (15 июня 1917 г.), Тэффи говорит о «так называемой интеллигенции», разочарованной

революцией и пытающейся покинуть Россию: «Всей душой стремясь уехать куда глаза глядят, открыто отстраняясь от всякого участия в тяжелом и великом подвиге строительства новой жизни, не причисляем ли мы себя с циничной откровенностью к лику дезертиров?» [39]. Но отношение к происходящему у Тэффи изменилось очень быстро. За год до революционных событий в журнале «Огонек» был опубликован ее рассказ «Апельсин». Впоследствии под названием «Любовь» рассказ вошел в раздел «Далекое» сборника «Городок». Это история о сосуществовании миров, чуждых и непонятных друг другу. В одном из них – мире девятилетней дворянки Кишмиш – звучит нежная музыка, женщины носят кружевные платья, от них неуловимо пахнет тонкими духами, а братья демонстрируют «стигматы дендизма». Детям здесь снятся сны про «совсем прозрачную, голубую лодку и серебряные камыши», и самое страшное и недостойное, что можно себе представить в этом мире, – это этикет: есть рыбу ножом. В мире Ганки, простой деревенской женщины, все радости бесхитростны – краюха хлеба да головка чесноку («Очень было страшно, что Ганка ест такую гадость <...> Уж лучше бы рыбу ножом») [36: 2], ее быт примитивен – холщовые рубахи, лопаты, которыми полют дорожки в саду, из нарядов только красный кушак. Дворян судачит про какую-то темную историю с солдатом, от которого у Ганки ребенок... По-детски влюбленная, завороченная природной красотой и ловкостью Ганки, Кишмиш, желая порадовать свою любимицу лучшим из того, что знала на свете, девочка решается на преступление – украдкой она берет для нее в кухне апельсин. Для Кишмиш апельсин символизирует солнце, красоту, радость! Никогда не видевшая этой диковины Ганка, не чистя, надкусила кисло-горькую корку и – сморщившись, выплюнула ее. «Я стала воровкой, чтобы дать ей самое лучшее, что я только знала в мире. А она не поняла и плюнула» [36: 5]. Так завершается рассказ Тэффи, так по-новому осмыслен ею восторг революцией и скорое разочарование в ней. Интеллигенция, восторженно принявшая Февральскую революцию, была подобна наивной девочке из нежного, тонкого, кружевного мира, которая пожалела грубую красавицу Ганку. Октябрь отрезвил Тэффи, снял пелену с ее глаз.

Октябрьскую революцию Тэффи не принимает, в 1918 г. она переезжает в Москву, где в газете «Наше слово» (переименованное до революционного «Русское слово») публикует свое «Первое впечатление» [48]. В фельетоне «Наша весна» Тэффи разоблачает все вокруг «с безжалостным цинизмом»: «То, что зимой

было бобром, котиком, скунсом, теперь стало мокрой собакой, ошпаренной кошкой, зайцем, затравленной сворой борзых» [44: 149]. С хаосом, царившим вокруг, еще можно было как-то смириться. Но жестокость и насилие были органически чужды Тэффи. В августе 1918-го закрыли «Новый Сатирикон». В Петрограде арестовали некую артистку, читавшую со сцены фельетоны Тэффи, запретив, как сообщалось в хронике журнала «Театр и искусство» 7 января 1918 г., «зарабатывать хлеб клеветой на народное правительство». Несколько позже Тэффи напишет: «Петербург давно умер. <...> Лежит огромный труп с вывернутыми карманами, изнасилованный и поруганный. Гниение вызывает тепло, и нам кажется, что он теплый. Оплывает, разлагается ткань, и нам кажется, что он шевелится. Но он умер совсем, по-настоящему, и можете делать с его трупом все, что вам вздумается. Он тихий. <...> Тихи мертвые улицы. Они всегда ночные, потому что их тихие дни похожи на тусклые белые ночи. И когда над трупом города тоскливым, заплаканным глазом повиснет луна, его дни и ночи сливаются в какое-то одно неразделенное часами время, мутно-тягучее и безысходное» [46: 32–34].

В октябре того же года вместе с А. Аверченко Тэффи уезжает из Москвы в Киев, их путь во всех подробностях описан Тэффи в книге «Воспоминания» (1931). Это была творческая поездка: они участвуют в литературных вечерах, организуют множество встреч, публикуются в газетах «Свободные мысли», «Киевская мысль», «Наш путь», «Киевское Эхо». Для театра «Летучая мышь» вместе с Лоло Тэффи пишет пьесу «Необыкновенные приключения театрального директора», а для «Театра Кривого Джимми» пьесу «Тише едешь – дальше будешь». В Киеве собралась элита русской культуры: сотрудники бывшего «Русского слова», актеры кабаре «Летучая мышь», Собинов, Влас Дорошевич, Василевский-не-Буква, Евреинов, Лоло с женой – актрисой Верой Ильнарской, актриса театра Сабурова Тамара Оксинская, в парижской квартире которой Тэффи проведет последние годы своей жизни. Это была насыщенная творческая жизнь, время продуктивного сотрудничества единомышленников.

В январе 1919 г. Тэффи переезжает в Одессу, а затем через Константинополь отправляется в Париж. Главной причиной ее эмиграции стали не голод, не финансовые и физические лишения, она уезжала из страны, где «увиденная утром струйка крови у ворот комиссариата, медленно ползущая струйка поперек тротуара перерезывает дорогу жизни навсегда. Перешагнуть через нее нельзя. Идти дальше нельзя.

Можно повернуться и бежать» [46: 32–34]. В парижской газете «Последние новости» появляется рассказ Тэффи «Ке фер?» (1920), который, по утверждению Дон Аминадо, вошел «в обиход, в пословицу, в постоянный рефрен эмигрантской жизни» [12: 258–259]. Восстановленная Тэффи ситуация выхвачена из жизни русских эмигрантов в Париже, она трогательна и печальна. Генерал шествует по парижским авеню, его фигура нелепа и трагикомична. Он смотрит по сторонам, «глянул на небо, на площадь, на дома, на пеструю говорливую толпу, почесал переносицу и сказал с чувством: — Все это, конечно, хорошо, господа! Очень даже все хорошо. А вот... ке фер? Фер-то ке?» [43: 99]. Этот забавный перефраз иллюстрируется ироничными фрагментами незатейливой жизни русских эмигрантов. Так называемые «ле руссы» живут странной жизнью: «Каждый... ненавидит всех остальных столь же определено, сколь все остальные ненавидят его» [9: 99]. В этом сообществе есть две основные категории: продающие Россию и ее спасающие. Продающие ходят по театрам, танцуют фокстроты и угощают русским борщом спасающих. А спасающие увязли в политических интригах, «куда-то ездят и разоблачают друг друга» [43: 99]. Тэффи с большой иронией говорит о новом в русском языке, сетуя на абсурд происходящего... В этом хаосе и произволе трудно что-то понять и осмыслить. На вопрос о том, что же происходит, можно ли что-то понять? Тэффи отвечает устами своего героя: «Вряд ли. Сами знаете — еще Тютчев сказал, что «умом Россию не понять», а так как другого органа для понимания в человеческом организме не находится, то и остается махнуть рукой. Один из здешних общественных деятелей начал, говорят, живо-том понимать, да его уволили» [43: 100].

В эмиграции, утверждает писательница, беженцы, «изможденные, почерневшие от голода и страха, объедаются, успокаиваются, осматриваются, как бы наладить новую жизнь и вдруг гаснут»: у многих «тускнеют глаза, опускаются вялые руки и вянет душа, обращенная на восток. Ни во что не верим, ничего не ждем, ничего не хотим. Умерли. Боялись смерти большевистской — и умерли смертью здесь. Вот мы — смертью смерть поправшие! Думаем только о том, что теперь там. Интересуемся только тем, что приходит оттуда...» [30: 211]. Тэффи говорит о ностальгии, о ностальгии говорят ее друзья. Эпиграф друга Тэффи Лоло предвещает повествование одноименного рассказа: «Пыль Москвы на ленте старой шляпы я как символ свято берегу...» [30: 211]. Пустота безвременья: люди живут воспоминаниями, тем, что приходит «оттуда», подводят итоги, мечтают, чтобы

все это поскорее закончилось, живут желанием... просто обнять наконец березку. «Конечно, и здесь есть трава. И может быть, очень даже хорошая, но ведь это ихняя (трава), а не наша травка-муравка. И деревья у них, может быть, очень даже хорошие, да чужие, по-русски не понимают» [30]. Продолжая повествование о русском национальном характере простого человека, Тэффи утверждает: «У нас каждая баба знает, — если горе большое и надо попричитать — иди в лес, обними березыньку крепко двумя руками, грудь прижмишь и качайся вместе с нею и голоси голосом, словами, слезами, изойди вся вместе с нею, с белою, с русской березынькой» [30]. С большой симпатией Тэффи воссоздает все самое дорогое, чем живет русский человек на чужбине: «Нянька долго стоит у дверей у притолки. Долго рассказывает о лесах, полях, о монашенках, о соленых груздях, о черных тараканах, о крестном ходе с водосвятием, чтобы дождик был, зерно напоил. Наговорится, напечалится, съезжится, будто меньше станет и пойдет в детскую к ночным думкам, к старушым снам — все о том же» [30].

Творческая судьба Тэффи в эмиграции сложилась удачно: она много и плодотворно работала, активно занималась общественной деятельностью: с 1921 г. она член Союза русских писателей и журналистов в Париже, здесь она посещает заседания Клуба молодых литераторов, участвует в собраниях русских и французских писателей. Тэффи охотно выступает со своими произведениями на вечерах в пользу русских ученых и литераторов, на собраниях Тургеневской общественной библиотеки, на заседаниях Союза русских студентов, участвует в работе Петроградского землячества. В 1925 г. Тэффи заведует литературной частью Дома артистов в Париже. В 1927–1929 гг. становится постоянным и активным участником собрания «Зеленой лампы», работает в издательстве «Современных записок», участвует в собраниях молодых писателей «Чисел». В 1930-е гг. Тэффи избирается членом правления Общества друзей русского драматического искусства и Союза русских театральных и кинематографических деятелей. Тэффи обожаема во всех кругах: ее знали и любили в Париже, Берлине, Варшаве, Шанхае, Харбине. Для многочисленных изданий газет и журналов сотрудничество с Тэффи считалось большой удачей — аудитория издания моментально увеличивалась в несколько крат. Сотрудничая с парижскими изданиями «Общее дело», «Последние новости», «Слово», «Возрождение», «Русские новости», «Русские записки», «Звено», «Иллюстрированная Россия», «Свободные мысли», «Одиночество», «Версты», «Современные записки», «Дни», «Числа»,

К 100-летию «русского исхода»

«Россия и славянство», «Россия», Тэффи активно публикуется и в зарубежных изданиях: «Сегодня» (Рига), «Огни» (Прага), «Грядущая Россия» (Берлин), «Голос России» (Берлин), «Жар-птица» (Берлин), «Руль» (Берлин), «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

Исключительный успех сопутствовал Тэффи до конца жизни, в эмиграции были изданы ее книги: сборник «Восток» (рассказы дореволюционного периода), «Тихая заводь», «Так жили» и «Черный ирис», «Стамбул и солнце» и «Сокровище земли», книга «Рысь», «Вечерний день», «Городок», «Танго смерти». Несмотря на безрадостность эмигрантского существования, ее не покидало чувство сопереживания всем, кто был рядом с ней и нуждался в ее сочувствии и покровительстве, ее никогда не оставляла убежденность в радостном начале самой жизни.

Небезучастно относились к блистательному успеху Тэффи и в России. Сотрудница «Правды» С. Виноградская отметила живой интерес Ленина к фельетонам Аверченко и Тэффи, опубликованным в эмигрантской прессе «Последних новостей». Ленин рекомендовал авторов как «весьма ценных сотрудников» для советской печати, на его взгляд, «ничто не говорит о грядущей мировой победе пролетариата так убедительно, как тот факт, что наиболее беспечные буржуа хохочут над самими собой на краю собственной могилы» [8]. В 1920-е гг. в России были переизданы без согласия Тэффи ее сборники: «Взамен политики» (1926), «Проворство рук» (1926), «Жизнь и воротник» (1926), «Летний отдых» (1926), «Папочка» (1926), «Ничего подобного» (1927), «Вчера» (1927), «Парижские рассказы» (1927), «На чужбине» (1927), «Сладкие воспоминания» (1927), «Танго смерти» (1927). Последний сборник предваряла аннотация анонимного критика: «Рассказы Тэффи проникнуты тоскливой иронией. Ирония показывает, что писательница осызает зловонные язвы эмиграции, что она сознает всю глубину морального падения обломков контрреволюции»; «сами по себе эмигранты – люди захолустья, мелких и никчемных интересов, не видящие дальше дна бутылки, вырожденки, неспособные ни к какой творческой деятельности. Страна вымела их, как сор», они «тоскуют по родине, но это тоска, в которой давно выветрилась всякая идеяность. Так обовшившийся человек тоскует по бане, а пьяница по рюмке...» [33: 3]. Были задеты авторские права Тэффи, извращена ее мировоззренческая позиция, вскоре она публикует в «Возрождении» ответное письмо, в котором публично запрещает пользоваться ее именем на родине [38].

В 1928–1930-е гг. Тэффи обращается к воспоминаниям о последнем лете в России, книге с одноименным названием, публикация которой началась в журнале «Возрождение» и сразу была замечена критиками, которые с удовольствием писали о характерном для Тэффи «сплаве едкой иронии и тонкого мирочувствования» [10]. На страницах «Воспоминаний» появляются имена многих известных лиц, современников писательницы: А.Т. Аверченко, И.А. Бунина, А.Н. Толстого, М.А. Волошина, Л.В. Собинова, И.М. Васильевского (Не-Буквы), Лоло (Л.Г. Мунштейна), Н.Н. Евреинова и др. «Эта книга – едва ли не лучшее из того, что нам до сих пор дала эта талантливая и умная писательница, – писал в рецензии на «Воспоминания» И.Н. Голенищев-Кутузов. – Тэффи <...> не проникает в трагическую сущность русской смуты, но ясно видит мелких бесов, суесящихся на поверхности жизни <...> [10]. Порой такие характеристики не были лишены основания. Вот ее замечание по поводу Мережковских: «...Я перечитывала недавно моих «Мережковского и Гиппиус». Верьте слову <...> Они были гораздо злее, и не смешно-злые, а дьявольски. Зина была интереснее. Он – нет. В ней иногда просвечивал человек. В нем – никогда» [25: 191–213].

У читателей Русского зарубежья помимо «Воспоминаний» (1931) наибольшим успехом пользовались «Книга Июнь» (1931) и «Авантюрный роман» (1931), сборники «Ведьма» (1935), «О нежности» (1938), «Зигзаг» (1939), «Все о любви» (1946), «Земная радуга» (1952). В рецензии на «Книгу Июнь» Р. Днепров скажет, что этот сборник Тэффи «можно поставить выше всех, изданных ею ранее». Внимание писательницы, замечает критик, обращено не на мировые катастрофы, «а на обыкновенное существование обыкновенных людей, с которыми ничего особенного не случается, и которые в мелких жизненных стычках, в мелких томлениях и неудачах теряют напрасно энергию своих душ и сознаний» [11]. По мнению Адамовича, Тэффи, продолжая традиции Чехова, пишет о людях не столько несчастных, сколько несчастливых. «Оттенок очень важный для понимания Тэффи: ее влекут не те люди, с которыми случилось что-либо ужасное, а те, в жизни которых не произошло ничего хорошего, чудесного, замечательного» [2: 219–227].

Книгу «Ведьма» Тэффи причисляла к одним из самых лучших в своем творчестве. В письме к П. Ковалевскому от 14 декабря 1943 г. она писала: «В этой книге наши древние славянские боги, как они живут еще в народной душе, в преданиях, суевериях, обычаях. Все, как встречалось мне в русской провинции, в детстве. Эту

книгу очень хвалили Бунин, Куприн и Мережковский, хвалили в смысле отличного языка и художественности» [49: 32]. В рецензии Ю. Мандельштама в «Возрождении» особо подчеркивался национальный колорит «Ведьмы»: «Правдивость Тэффи более всего должны чувствовать мы, русские. Тэффи описывает исключительно Россию и русскую жизнь, большей частью старую, довоенную, изредка уже потревоженную революционными веяниями. И глубоко подлинная «русскость» этих людей, этого быта сразу же становится несомненной» [16].

Большой удачей Тэффи стала книга «Все о любви» (1946): Тэффи погружается в лирическую стихию, окрашенную светлой грустью. Ее творческие поиски во многом близки исканиям И. Бунина, который в те же годы работал над книгой «Темные аллеи». Сборник «Все о любви» – история одного из самых загадочных человеческих чувств. На страницах книги сосуществуют самые разные женские характеры и разные типы любви. По Тэффи, любовь – это выбор креста: «Какой кому выпадет!» Георгий Адамович лаконично и емко определил содержание ее творчества как «Все о любви»... Ни о чем другом она, в сущности, и не писала» [3: 128–129].

До войны Тэффи считалась одним из самых высокооплачиваемых авторов, она активно помогала соотечественникам: выступала на вечерах помощи нуждающимся писателям, собирала деньги в фонд памяти Ф.И. Шляпина в Париже, много сделала для создания библиотеки имени А.И. Герцена в Ницце. Тэффи читала свои воспоминания на вечерах памяти ушедших Саши Черного и Федора Сологуба. Она не любила публичных выступлений перед многочисленной аудиторией, но когда ее просили, никому не отказывала. В Париже писательница жила около десяти лет в гражданском браке с Павлом Андреевичем Тикстоном. Сын промышленника, некогда владевшего заводом под Калугой, он выехал из России после прихода к власти большевиков. Когда разразился мировой кризис, Тикстон потерял состояние, тяжело заболел, и Тэффи ухаживала за ним до последнего часа. Всю войну она прожила во Франции. При оккупационном режиме ее книги перестали выходить, закрылись практически все русские издания. Тэффи исчезла из поля зрения литературного мира, о ней долго не было никаких сведений. В 1943 г. М. Цетлин публикует «преждевременный» некролог: «...О Тэффи будет жить легенда как об одной из остроумнейших женщин нашего времени, тогда когда забудутся ее словечки, очерки и фельетоны» [53: 384–385]. Узнав о некрологе, Тэффи напишет дочери: «Очень любопытно почитать.

Может быть, такой плохой (о некрологе), что и умирать не стоит...» [42: 25]. И еще: «Весть о моей смерти была очень прочная. Рассказывают, что во многих местах (напр., в Марокко) служили по мне панихиды и горько плакали. А я-то в это время ела португальские сардинки и ходила в синема» [18]. После этого некролога Тэффи проживет еще девять лет.

Облик Тэффи последних лет запечатлен в воспоминаниях А. Седых «Н.А. Тэффи в письмах» [25]. Остроумная, изящная, светская, она изо всех сил сопротивлялась болезням, изредка бывала на эмигрантских вечерах и вернисажах, поддерживала близкие отношения с И. Буниным, Б. Пантелеймоновым, Н. Евреиновым, Дон-Аминадо, А. Керенским, она продолжала писать книгу воспоминаний о своих современниках: В. Ленине, Г. Распутине, А. Коллонтай, А. Куприне, Л. Андрееве, А. Аверченко, А. Толстом, А. Ремизове, Д. Мережковском, З. Гиппиус, Ф. Сологубе и др. Ее раздражал пущенный сотрудниками «Русской мысли» слух, что она приняла советское подданство. После окончания Второй мировой войны ее действительно приглашали в СССР, однако на все предложения Тэффи отвечала отказом. По ходатайству А. Седых, редактора «Нового русского слова» в Нью-Йорке, парижский миллионер и филантроп С. Атран выплачивал скромную пожизненную пенсию четверем заслуженным пожилым писателям, в их числе была Тэффи. В 1951 г. Атран умер, выплата пенсии прекратилась. Книги русской писательницы американцами не покупались, выступать на вечерах, зарабатывая деньги, она уже была не в силах. В феврале 1952 г. в Нью-Йорке вышла ее последняя книга «Земная радуга». Тэффи отказалась от сарказма и сатирических интонаций, в книге много автобиографического, исповедального. Страницы книги наполнены иными интонациями: философскими размышлениями о вечных ценностях, о переосмыслении ушедшего, раздумьями о земных страданиях последних лет жизни: «Наши дни нехорошие, больные, злобные, а чтобы говорить о них, нужно быть или проповедником, или человеком, которого столкнули с шестого этажа, и он, в последнем ужасе, перепутав слова, орет на лету благим матом: «Да здравствует жизнь!» [40: 498]. Тэффи исповедовалась перед собою и читателями, прощаясь светло и мудро с теми, кто еще оставался жить, к Богу она обратилась с молитвой: «Господи! Пошли лучших Твоих Ангелов взять душу мою, от духа Твоего рожденную, душу темную, грешную, на Тебя восставшую, всегда в тоске искавшую и не находившую...» [40: 498–499].

Надежда Александровна Тэффи умерла в Париже 6 октября 1952 г. Похоронена рядом с Буниным на русском кладбище в Сен-Женевьев де Буа. В СССР ее произведения не печатались и не переиздавались до 1966 г. Архив Тэффи после ее смерти некоторое время хранился у близких друзей писательницы В.А. и М.Н. Верещагиных, назначенных ее душеприказчиками. Потом он поступил в распоряжение старшей дочери Тэффи Валерии, а в 1953 г. был передан в Архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Бахметьевский) библиотеки Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) [52]. В сопроводительных документах передача архива обозначена как «дар Валерии Владиславовны Грабовской». Архив Тэффи насчитывает около 5 тысяч единиц хранения (11 ящиков) и состоит из рукописей писательницы, ее эпистолярного наследия (письма 1928–1952 гг.), записных книжек, документов, фотографий (около 100 единиц), рисунков, вырезок из эмигрантской периодики, книг Тэффи, переводов ее произведений на иностранные языки и т.п. В числе адресатов писательницы А. Амфитеатров, Г. Адамович, П. Бицилли, И. Фондаминский, З. Гиппиус, Ю. Иваск, А. Ремизов, И. Шмелев, Ю. Терапиано, М. Цветаева, Б. Зайцев, А. Седых, Г. Алексинский и мн. др. Здесь же хранятся письма к Тэффи И.Е. Репина и К.М. Симонова.

Определяя место Тэффи в истории русской литературы, М. Осоргин писал: «Редко кто <...> умеет полуспокойно-полусмеясь, с таким умным и великодушным аристократизмом слова, рассказать столько горького и столько страшного. Пусть глупый посмеется – умному есть от чего сойти с ума». Спасает от этого, по словам Осоргина, «великое и традиционное,

такое русское писательское <...> искусство претворения мертвых проклятий в живую печаль», которым так прекрасно владеет Тэффи, «одна из самых умных и самых зрячих современных писателей» [21: 498–499].

Тэффи – уникальное явление в истории русской литературы: кто бы ни писал о ней, даже самые недоброжелательные авторы представляли ее фигуру почти в ангельском образе. Она никогда не была судьей чьих-либо самых неблагоприятных поступков, не выносила приговоров, не критиковала. Она иронизировала, улыбалась, иногда смеялась, порой язвительно, но никогда не было зла в этом смехе, и было в ее исповедях что-то чеховское, легкое, нежное. Морализм, назидательность – это не стихия Тэффи. Ее жизнь, судьба, творчество представляются единым культурным текстом. Ее радостное отношение к жизни можно сравнить только с пушкинским отношением к бытию. Ее формула жизни – это человеческое достоинство свободного человека, не терпящего над собой насилия. Когда мы говорим о ее простоте, иронии и лиризме, мы прикасаемся к области гуманистических категорий. Мир ее героев неблагоприятен, порой смешон, иногда глубоко трагичен, но он бесконечно дорог автору. Тэффи не критикует, не осуждает своих героев, она остается ироничным наблюдателем, не дающим никаких оценок. Она грустит и радуется жизни, радуется природе, старикам и детям, которые являются хранителями природного нравственного начала – «человека-просто». И Тэффи начисто лишена протезизма, для нее нет путей совершенствования личности, самоценность человека для нее безусловна, поэтому так безусловна и всеобщая любовь к Тэффи. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович Г. Книга Июнь Тэффи // Последние новости. 1931. 16 апреля.
2. Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1924. 10 ноября.
3. Адамович Г. Тэффи // Адамович Г. Одиночество и свобода. СПб., 2006.
4. Адамович Г. Тэффи // Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955.
5. Бунин И. Тэффи. Предсказатель прошлого. М., 1967.
6. Верещагин В. К кончине Надежды Александровны Тэффи // Русская мысль. 1952. 15 октября.
7. Верещагин В. Тэффи // Русская мысль. Париж. 1968. 21 ноября. № 2713.
8. Виноградская С. «Если подойдет...» // Огонек. 1962. № 18.
9. Галич Л. Тэффи // Руль. 1923. 15 мая.
10. Голенищев-Кутузов И.Н. // Возрождение. 1932. 9 января.
11. Днепров Р. Книга Июнь // Возрождение. 1931. 2 апреля.
12. Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк, 1954.
13. Зоценко М.М. Н. Тэффи // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. 1972. Л., 1974.
14. Костенко Д.Е. Экзистенциальное сознание как доминирующий тип мироощущения в эмигрантской прозе Н. Тэффи на примере сборника рассказов «Рысь» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 5 (59). В 3 ч. Ч. 2.
15. Кранихфельд Вл. Тэффи // Современный мир. 1910. № 9.
16. Мандельштам Ю. Возрождение. 1936. 26 марта.

17. Николаев Д.Д. К вопросу о происхождении псевдонима Тэффи // Творчество Тэффи и русский литературный процесс 1-й половины XX века. М., 1999.
18. Никоенко Ст. Несравненная Тэффи. biography.wikireading.ru/91356.
19. Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989.
20. Окс В. Тэффи и ее поэзия // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1952. 19 октября.
21. Осоргин М. Современные записки. 1931. № 46.
22. Петровская И., Сомина В. Театральный Петербург. Начало XVIII века – октябрь 1917. СПб., 1994.
23. Письмо И.А. Бунина Н.А. Тэффи от 19.IV.1944 // Диаспора: новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2.
24. Румянцев А. Одна из двух Лохвицких // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. № 118. 30 июня.
25. Седых А. Н.А. Тэффи в письмах // Воздушные пути, альманах III. Нью-Йорк, 1963.
26. Слоним М. Воля России. 1924. № 18–19.
27. Тихвинская Л. Кабаре и театры миниатюр в России. М., 1995.
28. Трубилова Е. Тэффи (1872–1952) // Литература Русского зарубежья. 1920–1940. М., 1993.
29. Тэффи Н.А. Воспоминания. Париж, 1931.
30. Тэффи Н.А. Ностальгия // Тэффи: Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 12. М., 2008.
31. Тэффи Н. Дым без огня. Пг., 1914.
32. Тэффи Н. Неживой зверь. СПб., 1916.
33. Тэффи Н. Танго смерти. М.; Л., 1927.
34. Тэффи. 45 лет // Моя летопись. М., 2004.
35. Тэффи. А.И. Куприн // Новое русское слово. 1949. 27 февраля.
36. Тэффи. Апельсин // Огонек. 1916. № 25.
37. Тэффи. Вниманию воров! // Возрождение. 1928. 1 июля.
38. Тэффи. Дезертиры // Русское слово. 1917. 15 июня.
39. Тэффи. И времени не стало... // Современные записки. 1931. № 46.
40. Тэффи. Игрушки и книги // Возрождение. 1927. 25 декабря. № 936.
41. Тэффи. Избранные произведения. И стало так. М., 1998.
42. Тэффи. Ке-фер? // Тэффи. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. М., 2011.
43. Тэффи. Контрреволюционная буква: Рассказы, фельетоны. СПб., 2006.
44. Тэффи. Любовь // Тэффи. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М., 1998.
45. Тэффи. На скале Гергесинской // Грядущий день. Одесса. 1919. № 1. Март.
46. Тэффи. Он и они // Возрождение. 1956. № 50.
47. Тэффи. Первое впечатление // Наше слово. 1918. 28 (15) апреля. № 13.
48. Тэффи. Письмо к П. Ковалевскому // Возрождение. 1957. № 70.
49. Тэффи. Псевдоним // Возрождение. Париж. 1931. 20 декабря.
50. Тэффи. Старик и старуха // Житье-бытье. М., 1991.
51. Фонд Тэффи // Бахметевский архив русской и восточноевропейской культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США; БАРВК).
52. Цетлин М. Н.А. Тэффи // Новый журнал. Нью-Йорк. 1943. № 6.
53. Чеботаревская А.Н. // Новая жизнь. 1912. № 7.

References

1. Adamovich G. Kniga-Iyun' Taffi // Poslednie novosti. 1931. 16 aprelya.
2. Adamovich G. Literaturnye besedy // Zveno. 1924. 10 noyabrya.
3. Adamovich G. Taffi // Adamovich G. Odinochestvo i svoboda. SPb., 2006.
4. Adamovich G. Taffi // Odinochestvo i svoboda. N'yu-Jork, 1955.
5. Bunin I. Taffi. Predskazatel' proshlogo. M., 1967.
6. Vereshchagin V. K konchine Nadezhdy Aleksandrovny Taffi // Russkaya mysl'. 1952. 15 oktyabrya.
7. Vereshchagin V. Taffi // Russkaya mysl'. Parizh. 1968. 21 noyabrya. № 2713.
8. Vinogradskaya S. «Esl'i podojdet...» // Ogonek. 1962. № 18.
9. Galich L. Taffi // Rul'. 1923. 15 maya.
10. Golenishchev-Kutuzov I.N. // Vozrozhdenie. 1932. 9 yanvarya.
11. Dneprov R. Kniga Iyun' // Vozrozhdenie. 1931. 2 aprelya.
12. Don-Aminado. Poezd na tret'em puti. N'yu-Jork, 1954.
13. Zoshchenko M.M. N. Taffi // Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma. 1972. L., 1974.
14. Kostenko D.E. Ekzistencial'noe soznanie kak dominiruyushchij tip mirooshchushcheniya v emigrantskoj proze N. Taffi na primere sbornika rasskazov «Rys'» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov. 2016. № 5 (59). V 3 ch. / Ch. 2.
15. Kranihfel'd Vl. Taffi // Sovremennij mir. 1910. № 9.

К 100-летию «русского исхода»

16. Mandel'shtam Yu. Vozrozhdenie. 1936. 26 marta.
17. Nikolaev D.D. K voprosu o proiskhozhdenii psevdonima Taffi // Tvorchestvo Taffi i russkij literaturnyj process 1-j poloviny XX veka. M., 1999.
18. Nikonenko St. Nesravnennaya Taffi. biography.wikireading.ru/91356.
19. Odoevceva I. Na beregah Seny. M., 1989.
20. Oks V. Taffi i ee poeziya // Novoe russkoe slovo. N'yu-Jork, 1952. 19 oktyabrya.
21. Osorgin M. Sovremennye zapiski. 1931. № 46.
22. Petrovskaya I., Somina V. Teatral'nyj Peterburg. Nachalo XVIII veka – oktyabr' 1917. SPb., 1994.
23. Pis'mo I.A. Bunina N.A. Taffi ot 19.IV.1944 // Diaspora: novye materialy. SPb., 2001. Vyp. 2.
24. Rumyanec A. Odnaz iz dvuh Lohvickih // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 2017. № 118. 30 iyunya.
25. Sedyh A. N.A. Taffi v pis'mah // Vozdushnye puti, al'manah III. N'yu-Jork, 1963.
26. Slonim M. Volya Rossii. 1924. № 18–19.
27. Tihvinskaya L. Kabare i teatry miniatyur v Rossii. M., 1995.
28. Trubilova E. Taffi (1872–1952) // Literatura Russkogo zarubezh'ya. 1920–1940. M., 1993.
29. Taffi N.A. Vospominaniya. Parizh, 1931.
30. Taffi N.A. Nostal'giya // Taffi: Antologiya Satiry i Yumora Rossii XX veka. V. 12. M., 2008.
31. Taffi N. Dym bez ognya. Pg., 1914.
32. Taffi N. Nezhivoj zver'. SPb., 1916.
33. Taffi N. Tango smerti. M.; L., 1927.
34. Taffi. 45 let // Moya letopis'. M., 2004.
35. Taffi. A. I. Kuprin // Novoe russkoe slovo. 1949. 27 fevralya.
36. Taffi. Apel'sin // Ogonek. 1916. № 25.
37. Taffi. Vnimaniju vorov! // Vozrozhdenie. 1928. 1 iyulya.
38. Taffi. Dezertiry // Russkoe slovo. 1917. 15 iyunya.
39. Taffi. I vremeni ne stalo... // Sovremennye zapiski. 1931. № 46.
40. Taffi. Igrushki i knigi // Vozrozhdenie. 1927. 25 dekabrya. № 936.
41. Taffi. Izbrannye proizvedeniya. I stalo tak. M., 1998.
42. Taffi. Ke-fer? // Taffi. Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 3. M., 2011.
43. Taffi. Kontrevolyucionnaya bukva: Rasskazy, fel'etony. SPb., 2006.
44. Taffi. Lyubov' // Taffi. Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 3. M., 1998.
45. Taffi. Na skale Gergesinskoj // Gryadushchij den'. Odessa. 1919. № 1. Mart.
46. Taffi. On i oni // Vozrozhdenie. 1956. № 50.
47. Taffi. Pervoe vpechatlenie // Nashe slovo. 1918. 28 (15) aprelya. № 13.
48. Taffi. Pis'mo k P. Kovalevskomu // Vozrozhdenie. 1957. № 70.
49. Taffi. Psevdonim // Vozrozhdenie. Parizh. 1931. 20 dekabrya.
50. Taffi. Starik i staruha // Zhit'e-byt'e. M., 1991.
51. Fond Taffi // Bahmetevskij arhiv russkoj i vostochnoevropejskoj kul'tury (Kolumbijskij universitet, N'yu-Jork, SSHA; BARVK).
52. Cetlin M. N.A. Taffi // Novyj zhurnal. N'yu-Jork. 1943. № 6.
53. Chebotarevskaya A.N. // Novaya zhizn'. 1912. № 7.

M.M. Polekhina

MGIMO of the MFA of Russia
Odintsovo, Russia

TAFFY'S CREATIVE WORK IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE THE FIRST THIRD OF THE TWENTIETH CENTURY

Taffy, literature of the Russian abroad, irony, tragicomic, self-worth of the individual.

The article is dedicated to the work of Taffy as one of the most mysterious and phenomenal things of the twentieth century. The features of Taffy's artistic style and the organic connection in the space of her artistic texts of the tragicomic, lyrical and existential are revealed. The article notes the implementation of the cultural code of the previous century in the work of the writer, considers creative relationships with contemporaries, points out the proximity of Taffy to the Chekhov tradition. The character of humanistic tendencies in Taffy's prose, the idea of the self-worthiness of the personality, proclaimed by the writer, are determined. The character of humanistic tendencies in Taffy's prose and the idea of the self-worthiness of the personality, proclaimed by the writer, are determined. Taffy touches those facets of the life of modern society that reveal a huge gap between a European and a Russian person. Taffy does not criticize or condemn his heroes, remaining an ironic observer who does not give any pretentious assessments.